

ЭКСПЕРТ СОБОЛЕВА

ОЛЬГА
ЕФИМОВА

18+

Ольга Ефимова

Эксперт Соболева

<https://litres.ru/74666748>

SelfPub; 2026

Аннотация

В морге областного бюро работает женщина, которая не боится мёртвых. Анна Соболева, судмедэксперт с двадцатилетним стажем, знает: тела не врут. Когда на её стол попадает дочь высокопоставленного чиновника со следами странной инъекции, Анна пишет «насильственная смерть» — и запускает цепь событий, которую уже не остановить. Её подруга и лаборантка Марина погибает, успев увидеть в анализах следы редкого синтетического яда. Муж-хирург требует прекратить: «Это не твоя война». Начальство угрожает увольнением. Но Анна идёт дальше — в мир живых, где ложь улыбается и носит дорогие костюмы. След ведёт к стеклянному дому на холме. К женщине, которая приходится погибшей крёстной матерью. К заместителю губернатора, которая убивает, чтобы скрыть коррупцию. Анна не следователь. Она эксперт. Но иногда только эксперт может вскрыть правду.

Содержание

Глава 1. Вскрытие № 47	4
Глава 2. «Насильственная смерть»	15
Глава 3. Стекланный дом	24
Глава 4. Падение в шахту	38
Глава 5. Морг как зона силы	51
Глава 6. Муж	58
Глава 7. Следователь Сергей	71
Глава 8. Семья погибшей	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Эксперт Соболева

Глава 1. Вскрытие № 47

Город Кировград просыпался неохотно. Как старый рабочий, который всю жизнь вставал по гудку, а теперь гудка нет, но привычка осталась. Серое небо давило на крыши пятиэтажек, дым из труб металлургического комбината стелился низко, цепляясь за провода. Анна Соболева стояла на крыльце областного бюро судебно-медицинской экспертизы, пила растворимый кофе из пластикового стаканчика и смотрела, как дворник дядя Витя скребёт асфальт лопатой. Снега не было, но асфальт всё равно был грязный — как будто город сам по себе рождает эту грязь, из земли, из воздуха, из усталости.

Анна сделала глоток. Кофе был отвратительный. Она поморщилась и выбросила стаканчик в урну.

— Доброе утро, Анна Сергеевна, — сказал дядя Витя, не поднимая головы.

— Если это доброе, то я — балерина, — ответила она и толкнула тяжёлую дверь.

В коридоре пахло формалином и хлоркой. Этот запах въелся в её волосы, в пальто, в кожу. Она уже не замечала его. Иногда ей казалось, что она пахнет им даже дома, и кот Васька морщится, когда она его гладит. Хотя кот — суще-

ство беспринципное, он морщился на всё, кроме рыбы.

В раздевалке Анна натянула белый халат, застегнула пуговицы, проверила карманы. Скальпель, пинцет, блокнот, ручка. Всё на месте. Она посмотрела на себя в мутное зеркало. Сорок один год. Тёмные волосы стянуты в хвост, под глазами мешки, губы сжаты в тонкую линию. «Эксперт Соболева», — сказала она себе. — «Женщина, которая разговаривает с мёртвыми, потому что живые её не слушают».

В секционном зале её ждали. На столе лежало тело. Молодая девушка, лет двадцати, может, двадцати двух. Худая, светлые волосы разметались по металлу, лицо бледное, почти восковое. На руках — следы от игл. Стандартная картина для передозировки. Рядом стоял Пётр Ильич, начальник бюро, старый патологоанатом с трясущимися руками и вечно усталыми глазами. Он посмотрел на Анну и вздохнул.

— Ну что, Анна Сергеевна, начнём? Девочка из заброшенного цеха. Утром нашли, рядом — шприц. Картина вроде ясная.

— «Картина ясная», — тихо повторила Анна, не сводя взгляда с тела. — Пётр Ильич, вы всегда так говорите: «всё ясно», а потом выясняется, что мы видели только верхушку.

— Давай без этого, ладно? — он чуть поморщился, будто от лёгкой боли. — Мне до пенсии два месяца. Хочется просто дотянуть без лишних драм.

— А ей было двадцать, — Анна наконец подняла глаза. — И она не дотянула. Совсем.

Пётр Ильич ничего не ответил. Он отошёл к столу с инструментами и стал перебирать их, как будто искал что-то. Анна надела перчатки. Латекс обтянул пальцы, привычно, как вторая кожа. Она взяла скальпель. Лезвие блеснуло под холодным светом лампы.

— Начинаем, — сказала она.

Вскрытие было её территорией. Здесь она знала всё. Каждый запах, каждый звук, каждое движение. Она резала, как хирург, но с другим намерением. Хирург режет, чтобы спасти. Она режет, чтобы понять. И иногда — чтобы отомстить. Но об этом она не говорила вслух.

Тело девушки было худым, почти прозрачным. Кожа да кости. На локтевых сгибах — следы инъекций. Старые, зажившие. И свежие. Анна наклонилась ближе. Следы были странными. Она взяла лупу. Да, точно. Расположение не то. При передозировке наркоман обычно колет в вену на сгибе локтя или на предплечье. Здесь следы были на внутренней стороне запястья, ближе к основанию большого пальца. И угол введения был неудобным для самостоятельного укола.

— Пётр Ильич, — позвала она.

Он подошёл, шаркая ногами.

— Что там?

— Посмотрите на следы, они нехарактерные.

Он наклонился, прищурился.

— Ну, следы как следы. Мало ли, как она кололась.

— Она не кололась. Смотрите, угол введения. Если бы она

сама себе делала укол, ей пришлось бы вывернуть руку. Это неудобно. И следы слишком ровные, как будто руку держали.

Пётр Ильич выпрямился. Лицо у него стало кислым.

— Анна, ну что ты выдумываешь? Девчонка из неблагополучной семьи, связалась с плохой компанией. Всё как всегда, напиши «передозировка» — и дело с концом.

— А если это не передозировка?

— А если это передозировка, а ты напишешь «насильственная смерть», то придет проверка из области, и нам всем влетит. Мне — в первую очередь. Я старый, Анна. Я не хочу проблем.

Анна посмотрела на него. Он был старым, уставшим и трусливым. Она знала его двадцать лет. Когда-то он был хорошим экспертом, но система его сломала. Он научился не задавать вопросов. Она — нет.

— Я не могу написать «передозировка», — сказала она тихо. — Это неправда.

— Это правда, которая всех устроит, — ответил он и отошёл.

Анна продолжила вскрытие. Она вскрыла грудную клетку, осмотрела органы. Сердце было чистым, без инфаркта. Лёгкие — без отёка, который обычно бывает при передозировке опиатами. Печень — без цирроза. Почки — в норме. Она взяла образцы крови и тканей, положила в пробирки. В голове у неё уже складывалась картина. Не передозировка. Что-то другое, что не определяется стандартными тестами.

Она закончила через два часа. Зашила тело, сняла перчатки, вымыла руки. В коридоре её ждала Марина, лаборантка. Марина была единственным человеком в этом здании, с кем Анна могла говорить нормально. Молодая, тридцать лет, с вечно встрепанными волосами и добрыми глазами. Она работала здесь пять лет и знала все анализы наизусть.

— Ну что? — спросила Марина.

— Не передозировка, — сказала Анна. — Следы странные. И органы чистые. Я взяла кровь на дополнительный анализ. Сделаешь?

— Конечно, — кивнула Марина. — А Пётр Ильич?

— Требуется написать «несчастный случай».

— А ты?

— А я напишу «насильственная смерть».

Марина вздохнула.

— Анна, ты опять. Тебе что, проблем мало?

— Мало, — сказала Анна. — Мне их катастрофически не хватает. Я же судмедэксперт, а не бухгалтер. Моя работа — говорить правду.

— Твоя работа — вскрывать тела, — мягко сказала Марина. — А не лезть в дела полиции.

— А если полиция не хочет их делать? Если они уже всё решили?

Марина ничего не ответила. Она взяла пробирки и ушла в лабораторию. Анна осталась стоять в коридоре. Она смотрела на дверь секционного зала и думала о девушке. Кто она

была? Как её звали? Анна не знала. В документах было только «неизвестная», но потом выяснилось, что это дочь чиновника.— Эксперт Соболева? — спросил он, заглядывая в кабинет.

— Да, — сказала Анна. — А вы, судя по физиономии, следовательно. Ему было двадцать восемь, но он выглядел на сорок. Может, из-за усталости, может, из-за того, что работа следователя в этом городе быстро старила. Он был высоким, худым, с вечно недовольным лицом

— Сергей Воронов. Областное управление. Мне поручили дело Соколовой.

— Поручили? Или спустили?

Он поморщился.

— Спустили. Но я хочу разобраться.

— Похвально, — сказала Анна. — Только вы опоздали. Тело я уже вскрыла.

Дочь заместителя мэра по социальным вопросам. Анна узнала это от Сергея, молодого следователя.

И Пётр Ильич требует написать «несчастный случай».

— А вы что думаете?

— Я думаю, что это убийство. Следы инъекций нехарактерные. Органы чистые. Кровь я отправила на дополнительный анализ. Но если вы хотите узнать правду, вам придётся со мной работать.

Сергей посмотрел на неё с сомнением.

— С вами? С экспертом?

— С экспертом, который двадцать лет режет тела и знает о смерти больше, чем вы о жизни. Да, со мной.

Он усмехнулся.

— Вы уверены в себе.

— Я уверена в мёртвых. Они не врут.

Сергей ничего не ответил. Он взял копию предварительного заключения и ушёл. Анна проводила его взглядом. Молодой, амбициозный. Может, из него что-то выйдет. А может, сломается, как Пётр Ильич. В этом городе ломались все.

Вечером Анна вернулась домой. Квартира была маленькой, двухкомнатной, на четвёртом этаже панельной девятиэтажки. Ремонт она делала сама, давно, ещё когда была замужем за Валерием. Валерий был хирургом в той же больнице, где работала Анна. Они познакомились в ординатуре, поженились через год. Сейчас они жили как соседи: он приходил поздно, она уходила рано. Иногда они встречались на кухне, пили чай, молчали. Любовь прошла, осталась привычка. И кот.

Кот Васька, старый, толстый, с ободранным ухом, лежал на кресле и смотрел на неё с презрением.

— Привет, — сказала Анна. — Я знаю, что ты меня не любишь. Но я тебя кормлю.

Васька мяукнул. Она достала из холодильника кусок курицы, положила в миску. Кот прыгнул с кресла и подошёл к еде. Анна налила себе чай, села на диван, включила проигрыватель. Пластинка была старой, ещё отцовской. Джаз Майлз

Дэвис.. Труба заполнила комнату, и Анна закрыла глаза. В мыслях Анны всё сплеталось в тугой узел: девушка, её хрупкие руки, едва заметные следы на коже — и тот, кто сжимал эту руку, пока вводил яд. Перед глазами вставали лица: Марина, Пётр Ильич, Сергей. Каждый из них будто тянул в свою сторону, не давая сосредоточиться.

Завтра предстояло оформить заключение — и в этом не было никакой неопределённости. Анна уже знала, какие слова лягут на бумагу, какие выводы будут сформулированы чётко и без поправок.

Утром она пришла на работу раньше всех. В лаборатории было тихо. Марина ещё не пришла. Анна села за стол, достала бланк заключения. В графе «причина смерти» она написала: «Насильственная смерть. Отравление неустановленным веществом». Она поставила подпись, потом отнесла бланк в кабинет Петра Ильича. Его ещё не было, она положила лист на стол и вышла.

Через час Пётр Ильич влетел в её кабинет. Лицо у него было красным, руки тряслись.

— Ты что написала?! — закричал он. — Ты понимаешь, что ты наделала?!

— Понимаю, — спокойно сказала Анна. — Я написала правду.

— Правду?! Да эта правда нас всех похоронит! Дочь Соколова! Ты знаешь, кто её отец? Заместитель мэра! Он нам головы оторвёт!

— А кто оторвёт голову той девушке? Она уже мертва. И если мы напишем «несчастный случай», то убийца останется на свободе.

— А если мы напишем «насильственная смерть», то мы останемся без работы! — Пётр Ильич бросил бумаги на стол. — Перепиши. Немедленно.

— Нет.

— Я твой начальник!

— Вы мой начальник, но это не значит, что можете диктовать выводы, — твёрдо сказала Анна. — Я эксперт, и моё дело — давать заключение, основанное на фактах. А врать я не стану.

Пётр Ильич смотрел на неё с ненавистью и страхом. Потом он махнул рукой и вышел. Анна осталась сидеть. Она знала, что он пойдёт к Соколову. И что у неё будут проблемы. Но она также знала, что по-другому не может.

В этот момент в дверь постучали. Анна подняла голову. На пороге стояла Марина, с растрёпанными волосами, с папкой в руках.

— Анна, — сказала она. — Ты должна это увидеть.

Она положила папку на стол. Внутри были результаты анализа. Анна посмотрела на цифры. Потом на Марину.

— Это то, что я думаю?

— Да, — сказала Марина. — Это яд. Синтетический и редкий. Я нашла его только потому, что сделала расширенный спектральный анализ.

Анна откинулась на спинку стула. Всё сходилось. Девушку отравили. И кто-то очень хорошо всё спланировал.

— Марина, — сказала она. — Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — сказала Марина. — Это значит, что мы в опасности.

— Да. Но это также значит, что у нас есть доказательства. Нужно найти того, кто это сделал.

— Как?

— Я не знаю. Но я найду.

Она вышла из лаборатории. Коридор был пуст — тишина казалась почти осязаемой, будто здание само старалось не шуметь, чтобы не выдать её шагов. Анна подошла к окну и посмотрела на улицу.

Город, как всегда, был серым — привычная московская серость, въевшаяся в фасады, в асфальт, в небо. Но сегодня этот серый цвет обрёл новый оттенок. Он больше не казался просто унылым. Теперь он выглядел зловещим, будто сам воздух был пропитан скрытой угрозой.

В этом городе жили люди, способные убивать. И самое страшное — они не собирались останавливаться. Анна чувствовала это не как догадку, а как холодную, тяжёлую уверенность, от которой по спине пробежал неприятный холодок.

Анна вернулась в кабинет. Она достала блокнот и написала: «Соколова. Яд. Потом добавила: «Стеклянный дом». Она

ещё не знала, почему написала это. Но что-то подсказывало ей, что это важно.

За окном бурлил промышленный город — привычный, шумный, равнодушный. Где-то надрывно гудел завод, где-то с рокотом катила по рельсам тяжёлая машина, а где-то в этом переплетении улиц и дворов угасала чья-то жизнь. Анна не знала, в каком именно уголке города это случилось. Но в груди твёрдо жило одно: она найдёт. Обязательно найдёт. Она всегда находила.

Глава 2. «Насильственная смерть»

Пётр Ильич вышел, громко хлопнув дверью. Анна осталась сидеть за столом. Она прекрасно понимала: он прямо-таки направится к Соколову. И тогда у неё начнутся серьёзные проблемы. Но поступить иначе она просто не могла — это было выше её сил.

Спустя час в кабинет вошла Марина.

Она скользнула внутрь бесшумно, как всегда, прижимая к себе папку. Волосы, собранные в небрежный хвост, всё равно выбивались и торчали в разные стороны, а на халате темнело знакомое кофейное пятно. Марина вечно держала в руках чашку — и вечно проливала содержимое.

— Привет, — тихо сказала она. — Как ты?

— Пока дышу, — ответила Анна, чуть криво улыбнувшись.

— Пётр Ильич?

— Угрожал увольнением.

— И что ты?

— Сказала: пусть увольняют.

Марина тяжело вздохнула и опустилась на стул.

— Анна, ты ведь понимаешь, что он не бросает слов на ветер. Он уже звонил Соколову — я слышала, как он кричал в трубку.

— И что пообещал Соколов?

— Что если заключение не перепишут, он «примет меры».

— Пусть принимает.

Марина посмотрела на неё с тревогой, в её взгляде читалась смесь страха и восхищения.

— Ты правда не боишься?

— Боюсь, — призналась Анна после короткой паузы. — Очень боюсь. Но не настолько, чтобы исказить правду.

Она помолчала, потом кивнула на папку в руках подруги.

— Это результаты?

— Да, — кивнула Марина. — Я провела анализ крови той девушки. И ещё несколько дополнительных тестов — на всякий случай.

— И что там?

Марина раскрыла папку. На листах теснились цифры, графики, запутанные схемы. Анна не была химиком, но умела видеть главное. И то, что она увидела, заставило её внутренне похолодеть.

— Что это? — спросила она, сдерживая дрожь в голосе.

— Яд, — спокойно, но твёрдо ответила Марина. — Синтетический и очень редкий. В стандартных панелях его не поймать. Я обнаружила его только благодаря расширенному спектральному анализу.

— Насколько редкий?

— Насколько, что его не купишь ни в аптеке, ни на чёрном рынке. Его нужно синтезировать в лаборатории. А для этого требуются специфические знания и оборудование.

Анна откинулась на спинку стула. В голове стремительно складывалась мрачная мозаика: яд, кропотливая работа, расчёт. Кто-то потратил немало времени и сил, чтобы убить эту девушку — и сделать так, чтобы смерть выглядела как банальная передозировка. Но зачем? Кому она встала поперёк дороги?

— Марина, — медленно произнесла Анна. — Ты раньше встречала такой яд?

Подруга замялась, отвела взгляд, будто стыдясь собственной догадки.

— В чём дело? — насторожилась Анна. — Ты что-то знаешь?

— Не уверена... — пробормотала Марина. — Но неделю назад мне приносили анализы из онкологического центра. Молодая девушка. Показатели были странными, но я тогда не придавала этому значения. Решила, что это ошибка или особенность лечения. А теперь... теперь всё выглядит иначе.

— Кто была та девушка?

— Не знаю. Анализы шли анонимно. Но картина... она совпадает. Тот же почерк. И яд этот же.

Анна встала и принялась ходить по кабинету. Внутри поднималась тёмная волна — не паника, а холодная, яростная решимость. Злость не на Марину, не на жертву, а на тех, кто хладнокровно обрывает жизни и думает, что останется безнаказанным.

— Слушай, — сказала она, останавливаясь напротив по-

други. — Сделай ещё один анализ. Максимально точный.

— Могу, — кивнула Марина, но в её голосе прозвучала тревога. — Только это займёт время. И нужны редкие реактивы. У нас их нет.

— Найди любой ценой.

— Анна, это рискованно.

— Знаю.

Марина долго смотрела на неё, будто пытаясь прочесть что-то за стальной маской спокойствия. В её глазах мелькнул страх — но следом вспыхнули уважение и преданность.

— Хорошо, — проговорила она наконец. — Я всё сделаю.

Она вышла. Анна снова опустилась на стул и закрыла лицо ладонями. Мысли метались, сплетаясь в тугой узел: яд, дочь чиновника, онкологический центр. Всё было связано, но нити пока не желали складываться в единую картину. Она не знала, как они переплетаются. Пока не знала.

Вечером Анна вернулась домой позже обычного. Квартира встретила её звенящей тишиной и уютным, почти издевательским запахом жареной картошки. Валерий стоял у плиты в фартуке и что-то помешивал в сковороде. Это выглядело странно, почти чуждо: Валерий редко готовил. Обычно он приходил поздно, молча доставал что-то из холодильника и уходил в комнату, чтобы до утра смотреть телевизор. Сегодня всё было иначе.

— Ты чего это? — спросила Анна, снимая пальто.

— Решил приготовить ужин, — ответил он, не оборачи-

ваясь. — Ты опять задержалась.

— Работы много.

— Я в курсе.

Анна замерла, почувствовав подвох.

— Откуда?

Валерий повернулся. Высокий, худой, с усталыми, будто выцветшими глазами. Когда-то в нём была притягательная сила, теперь осталась только усталость.

— Мне звонил Пётр Ильич, — сказал он спокойно, но от этой спокойной интонации стало только страшнее. — Он рассказал, что ты поставила «насильственная смерть» и отказываешься менять формулировку. Сказал, что Соколов вне себя от ярости.

— Он не имел права тебе звонить.

— Имел. Я твой муж. Он надеялся, что я смогу тебя образумить.

— Ну и как? — Анна скрестила руки на груди, словно выстраивая невидимую стену. — Собираешься меня «образумливать»?

Валерий выключил плиту. Подошёл к ней. В его взгляде не было ни страсти, ни гнева — только глубокая, выматывающая усталость.

— Анна, — произнёс он тихо. — Ты не оперативник. Ты эксперт. Это не твоя битва.

— Моя, — резко ответила она. — Потому что я видела её на столе. Видела следы на запястьях, видела, как её тело кри-

чало о том, что с ней сделали. Я не стану писать «несчастный случай». Это будет не просто ошибкой — это будет соучастием.

— А если тебя уволят?

— Значит, уволят.

— А если с тобой что-то случится?

Анна запнулась. Она гнала эту мысль, прятала её в самые тёмные углы сознания. А теперь Валерий произнёс её вслух — и от этого она стала пугающе реальной.

— Со мной ничего не случится, — сказала она, но голос предательски дрогнул.

— Ты не понимаешь, с кем имеешь дело. Соколов — не просто чиновник. У него есть связи, деньги, люди. Он умеет делать так, что человек просто исчезает.

— Я не боюсь.

— А я боюсь, — впервые за долгое время в его голосе прорвалось настоящее чувство. — Боюсь за тебя и за нас.

— Нас уже нет, — тихо, почти шёпотом произнесла Анна.

Валерий опустил глаза. Не стал спорить. Потому что оба знали: их брак давно превратился в привычку, в тихое существование двух уставших людей, которым проще остаться рядом, чем учиться жить порознь.

— Я не хочу, чтобы ты в это лезла, — повторил он.

— Уже влезла.

— Тогда не жди, что я буду тебя прикрывать.

— И не жду.

Он ушёл в комнату. Анна осталась на кухне. Села за стол, налила себе чашку остывшего чая. Кот Васька подошёл, потёрся о её ноги, потом вспрыгнул на колени и уютно свернулся. Его тепло было единственным настоящим теплом в этой квартире.

Анна думала о Марине . О том, как подруга согласилась помочь, прекрасно понимая, чем это грозит. Почему? Потому что она верила в справедливость. Потому что не умела закрывать глаза на зло. Потому что была настоящей подругой.

Думала о Петре Ильиче — о том, как система постепенно стирает из человека всё, что делало его хорошим специалистом. Страх и желание выжить заставляют его лгать, обходить острые углы, делать вид, что ничего не происходит.

Думала о Соколове — о его власти, ярости и уязвимости. Чиновники боятся скандалов. Если она сможет доказать, что его дочь была убита, он не посмеет открыто тронуть её — потому что любой удар по ней обернётся ещё большим разоблачением.

И, наконец, она думала о самой девушке — Соколовой. Что она сделала такого, что кто-то решил её убрать? Почему выбрали именно яд? Это оружие расчётливых людей — тех, кто хочет остаться в тени, кто не желает пачкать руки, но не испытывает ни малейших угрызений совести.

Допив чай, Анна поставила чашку в раковину и прошла в комнату. Валерий лежал с закрытыми глазами — спал или притворялся. Она легла рядом, но не прикоснулась к нему.

Лежала, глядя в тёмный потолок, и думала о том, что завтра начнёт собственное расследование. Она не знала, с какой стороны подступиться. Но знала точно: она не отступит.

Утром она пришла на работу раньше всех. В морге царила привычная, почти благоговейная тишина. Тела ждали своей очереди в холодильниках, словно терпеливые свидетели чужой боли. Анна прошла в лабораторию. Марина уже была там. Вид у неё был измученный, но глаза горели тем самым упрямым огнём, который Анна так ценила.

— Я сделала анализ, — сразу сказала Марина. — Тот самый, максимально точный. Подтверждаю: это яд. И он вводился не однократно.

— Что ты имеешь в виду?

— Следы есть в разных тканях. Это значит, что её травили постепенно. Возможно, неделю. А может, и две. Она умирала медленно, капля за каплей.

У Анны внутри всё заledenело.

— То есть убийца хотел, чтобы всё выглядело как передозировка, — проговорила она, словно пробуя слова на вкус.

— Именно, — кивнула Марина. — И ещё... Я перепроверила те анонимные анализы из онкоцентра. Это была она, а самая девушка тогда она ещё была жива.

Анна закрыла глаза. Пазл наконец начал складываться. Девушку травили. Она обращалась в онкологический центр. Её анализы случайно попали к Марине. И Марина увидела то, что не предназначалось для чужих глаз. А потом девушка

умерла.

— Понимаешь, что это значит? — спросила Анна.

— Понимаю, — голос Марины дрогнул, но она не сломалась. — Это значит, что теперь мы обе под ударом.

— Да. Но это также значит, что у нас есть доказательства. Нужно найти того, кто всё это организовал.

— Но как? У нас почти ничего нет.

— Найдём. Я найду.

Она вышла из лаборатории. Коридор был пуст, звуки растворялись в тишине. Подойдя к окну, Анна посмотрела на улицу. Город, как всегда, был серым — будто выцветшим от времени и равнодушия. Но сегодня она видела его иначе. Он больше не казался просто унылым. Он был опасен. В нём жили люди, способные убивать — и не собирающиеся останавливаться.

Вернувшись в кабинет, Анна достала блокнот и вывела чёткими буквами: «Соколова. Яд. Онкоцентр». Потом, повинаясь какому-то внутреннему импульсу, добавила: «Стекланный дом». Она сама не знала, почему написала эти слова. Но интуиция подсказывала: в них скрыт ключ.

За окном гудел промышленный город. Где-то надрывно ревел заводской гудок. Где-то проехала тяжёлая машина.. Анна не знала, где именно. Но твёрдо знала одно: она отыщет правду.

Глава 3. СтеклЯнный дом

Утро следующего дня началось с запаха жареного лука.

Анна открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Потолок был серым, с трещиной в углу, похожей на карту какой-то несуществующей страны. Она лежала на диване, укрытая пледом, в одежде. Рядом на полу стояла пустая чашка и блокнот с записями. Кот Васька спал на спинке дивана, свесив хвост ей на плечо. На кухне гремел посудой Валерий.

Анна села. Голова гудела. Она вспомнила вчерашний вечер: разговор с Валерием, его слова «Это не твоя война», её ответ, потом тишина, потом она сидела на диване и писала в блокноте, пока не уснула. Валерий, видимо, укрыл её пледом. Это было странно. За последние годы он редко проявлял такие знаки внимания. Может, совесть. Может, привычка. Может, он просто не хотел, чтобы она замёрзла и заболела — тогда ему пришлось бы за ней ухаживать.

Она встала, прошла на кухню. Валерий стоял у плиты и жарил картошку с луком. На столе уже были нарезаны помидоры и зелень. Он повернулся и посмотрел на неё.

— Проснулась, — сказал он.

— Проснулась, — ответила Анна. — Ты чего не на работе?

— У меня сегодня операция после обеда. Решил позавтракать дома.

— Ага.

Она села за стол. Валерий поставил перед ней тарелку с картошкой. Она взяла вилку и начала есть. Картошка была вкусной. Она не ожидала.

— Валерий, — сказала она после паузы.

— Что?

— Ты вчера сказал, что я не должна лезть в это дело. Я тебя слышала.

— И?

— И я всё равно буду это делать.

Он не ответил. Просто сел напротив и стал есть. Они молчали - это было привычно. Молчание между ними давно стало нормой.

— Я знаю, — сказал он наконец. — Я знал это ещё вчера. Просто хотел, чтобы ты слышала, что я думаю.

— Слышала.

— Хорошо.

Он допил чай и встал.

— Я пойду у меня операция.

— Удачи.

Он ушёл. Анна осталась на кухне. Она смотрела на закрытую дверь и думала о том, что когда-то они разговаривали часами. Обо всём: о работе, книгах, планах. Теперь они разговаривали только о том, кто купит хлеб и когда вызовут сантехника. Это была не жизнь. Это было существование.

Она допила чай, оделась и вышла из дома.

На работе её ждала Марина. Она стояла в коридоре с папкой в руках и выглядела взволнованной.

— Анна, — сказала она шёпотом. — Мне нужно тебе кое-что показать.

— Что?

— Пойдём в лабораторию.

Они прошли в лабораторию. Марина закрыла дверь и достала из папки несколько листов.

— Я вчера не всё тебе сказала, — начала она. — Я не просто видела похожие анализы. Я видела их в конкретном месте в онкологическом центре.

— Ты говорила.

— Да, но я не сказала, при каких обстоятельствах. Я была там неделю назад. Носила документы из бюро и случайно увидела девушку ту самую. Она сидела в коридоре, ждала приёма. Я обратила внимание, потому что она была очень бледной. И очень напуганной.

— Напуганной?

— Да. Она сидела и оглядывалась. Как будто ждала, что кто-то придёт я ещё подумала: странно, такая молодая, а уже в онкологии.

— Ты уверена, что это была она?

— Уверена. Я запомнила лицо. И потом, когда мне принесли анонимные анализы, я узнала почерк. Это был тот же врач, который вёл её и, я проверила по базе. Фамилия врача — Ковалёв, он работает в онкологическом центре.

Анна задумалась.

— Значит, она была пациенткой онкологического центра. Но не из-за рака, а из-за отравления.

— Возможно, — сказала Марина. — Но яд не определяется стандартными тестами. Врач мог не знать, что она отравлена. Он лечил её от чего-то другого.

— От чего?

— Я не знаю. Но я могу узнать, у меня есть доступ к базе. Я могу посмотреть её карту.

— Сделай это.

— Уже сделала.

Марина достала ещё один лист.

— Вот. Соколова Екатерина Андреевна, двадцать лет. Поступила в онкологический центр неделю назад с жалобами на слабость, тошноту, головокружение. Врач Ковалёв поставил предварительный диагноз: анемия неясной этиологии. Назначил анализы. Анализы показали странные результаты. Ковалёв отправил их на дополнительное исследование. Именно эти анализы попали ко мне.

— И что было дальше?

— Дальше её выписали. Через два дня. С формулировкой «состояние удовлетворительное». Но она не была в удовлетворительном состоянии. Она была отравлена.

Анна встала и прошлась по лаборатории.

— Значит, её выписали, чтобы она умерла вне стен больницы. Чтобы никто не задавал вопросов.

— Похоже на то.

— Кто мог отдать приказ о выписке?

— Врач. Или кто-то выше.

— Ковалёв?

— Может быть. Но он не похож на человека, который способен на убийство. Он старый, усталый как Пётр Ильич.

— Все они усталые, — сказала Анна. — И все они делают то, что им говорят.

Она остановилась и посмотрела на Марину.

— Ты понимаешь, что это значит? Кто-то в онкологическом центре знал, что она отравлена. И этот кто-то решил её выписать, чтобы она умерла. А потом её нашли в заброшенном цехе со шприцем рядом. Всё выглядит как передозировка, но это не передозировка.

— Это убийство, — сказала Марина. — И кто-то очень хорошо всё спланировал.

— Да.

Анна подошла к окну. За стеклом был серый двор, мусорный бак, кусок забора. Она смотрела на этот двор и думала.

— Марина, — сказала она. — Ты знаешь, кто такая Воронцова?

— Заместитель губернатора? Которая курирует здравоохранение?

— Да. Она крёстная мать этой девушки.

Марина ахнула.

— Откуда ты знаешь?

— Вчера узнала. Я звонила в мэрию. Сказала, что я эксперт, который ведёт дело Соколовой. Мне не хотели говорить, но я надавила. Девушка была крестницей Воронцовой. Её мать — подруга Воронцовой. Они вместе учились.

— И что это значит?

— Это значит, что у нас есть мотив. Воронцова — заместитель губернатора. Она курирует онкологический центр. Девушка узнала что-то о коррупции. И Воронцова решила её убрать.

Марина смотрела на неё с ужасом.

— Ты думаешь, что заместитель губернатора — убийца?

— Я думаю, что это возможно. И я собираюсь это проверить.

— Как?

— Для начала — поеду в онкологический центр и поговорю с Ковалёвым.

— Тебя туда не пустят.

— Пустят. Я эксперт, у меня есть удостоверение. И я могу сказать, что провожу проверку по факту смерти пациентки.

— А если Ковалёв позвонит Воронцовой?

— Пусть звонит. Я хочу, чтобы она знала, что я копаю.

Марина покачала головой.

— Анна, это опасно.

— Я знаю.

— Я пойду с тобой.

— Нет. Ты останешься здесь. Ты и так уже слишком мно-

го сделала. Если что-то случится, ты должна быть в безопасности.

— А если что-то случится с тобой?

— Тогда ты расскажешь всё Сергею следователю. Он молодой, но не глупый. Он поймёт.

Марина нехотя кивнула.

Анна вышла из лаборатории. Она надела пальто, взяла сумку и вышла на улицу. На парковке стояла её старая «Лада». Она села за руль и поехала в онкологический центр.

Онкологический центр находился на окраине города, в новом здании из стекла и бетона. Оно выглядело современно и стерильно. Анна припарковалась, вошла внутрь. На ресепшене сидела молодая девушка с уставшими глазами.

— Я Соболева, судмедэксперт, — сказала Анна, показав удостоверение. — Мне нужно поговорить с врачом Ковалёвым.

Девушка посмотрела на удостоверение, потом на Анну.

— Ковалёв сегодня не принимает.

— А где он?

— В отпуске.

— С какого числа?

— С сегодняшнего.

Анна почувствовала, как внутри неё что-то оборвалось. Ковалёв исчез. Это было слишком подозрительно.

— А кто его замещал?

— Никто. У него был только один пациент Соколова. Она

выписалась и он ушёл в отпуск.

— А где её карта? Медицинская карта Соколовой?

— Я не имею права выдавать.

— Я эксперт, у меня есть право.

Девушка замялась. Потом позвала кого-то из кабинета. Вышел мужчина в белом халате, лет пятидесяти, с усталым лицом.

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Я Соболева, судмедэксперт. Мне нужна карта пациентки Соколовой.

— Соколова выписана и её карта в архиве.

— Тогда дайте мне архив.

— У вас есть официальный запрос?

— У меня есть удостоверение и подозрение на насильственную смерть. Этого достаточно.

Мужчина посмотрел на неё с недоверием. Потом вздохнул.

— Хорошо. Подождите.

Он ушёл. Анна осталась стоять в холле. Она смотрела на стены, на окна, на людей в халатах. Все они казались ей подозрительными. Все они могли быть частью схемы.

Мужчина вернулся через десять минут. В руках у него была папка.

— Вот. Но учтите: это копия. Оригинал в архиве.

Анна взяла папку и открыла её. Внутри были результаты анализов, назначения, записи врача. Она быстро просмотрела.

рела их. Всё сходилось: слабость, тошнота, анемия. Ковалёв назначил дополнительные тесты. Результаты были странными. Он написал: «Рекомендовано дополнительное исследование». И всё. Дальше — пусто. Никаких записей о лечении. Никаких записей о выписке. Просто пустой лист.

— Здесь нет выписки, — сказала Анна.

— Выписка должна быть. Может, потерялась.

— Или её никогда не было.

Мужчина пожал плечами.

— Я не знаю. Я не веду эту пациентку.

Анна закрыла папку и посмотрела на него.

— Скажите, вы знаете Воронцову?

Он вздрогнул.

— Заместителя губернатора? Конечно, знаю. Она курирует наш центр.

— Она бывала здесь?

— Бывает иногда с проверками.

— А с Ковалёвым она общалась?

— Я не знаю. Это не моё дело.

— А чьё?

Он не ответил. Просто отвёл глаза.

Анна поняла, что больше ничего не добьётся. Она взяла папку и вышла.

На улице она села в машину и закурила. Она курила редко, но сейчас ей нужно было успокоиться. Ковалёв исчез. Карта пустая. Это было слишком очевидно. Кто-то заметал следы.

И этот кто-то знал, что она придёт.

Она достала телефон и позвонила Марине.

— Марина, — сказала она. — Ковалёв в отпуске. Карта пустая. Они заматают следы.

— Что делать?

— Я не знаю. Но я не собираюсь останавливаться.

— Анна, может, в полицию?

— Полиция не поможет. У них нет доказательств. И потом, Соколов — заместитель мэра. Он может надавить.

— А Сергей?

— Сергей — молодой следователь. Он не будет рисковать карьерой ради меня.

— Тогда что?

— Я поеду в заброшенный цех. Тот, где нашли девушку. Может, там что-то осталось.

— Анна, это опасно. Там уже были полицейские.

— Они искали шприц. А я буду искать то, что они пропустили.

— Я поеду с тобой.

— Нет. Ты останешься. Если я не вернусь через два часа, позвони Сергею.

— Анна...

— Всё. Пока.

Она положила трубку. Потом завела машину и поехала в сторону заброшенного цеха.

Цех находился на окраине города, в промышленной зоне.

Это было огромное здание из красного кирпича, с выбитыми окнами и ржавой крышей. Вокруг — пустырь, заросший бурьяном, и кучи мусора. Анна припарковалась у ворот и вышла. Было тихо, только ветер шумел в проводах.

Она прошла внутрь. В цехе было темно и сыро. Пахло мазутом и гнилью. Она включила фонарик на телефоне и стала осматриваться. Пол был усыпан битым стеклом и мусором. В углу валялись какие-то ящики. Анна прошла дальше. Она искала хоть что-то: следы, предметы, документы. Но ничего не было. Полиция уже всё вычистила.

Она остановилась у шахты лифта. Это была глубокая яма, уходящая вниз, в темноту.. Анна посмотрела вниз. Там было черно. Она почувствовала, как у неё сжимается горло.

Она отошла от шахты и продолжила осмотр. В дальнем углу она заметила что-то блестящее. Она подошла ближе. Это был телефон. Старый, кнопочный. Он лежал под куском рубероида. Анна подняла его. Телефон был разряжен, но он был. Она сунула его в карман.

Потом она услышала шаги. Она обернулась. В дверях стоял мужчина. Высокий, в тёмной куртке. Лица не было видно. — Кто вы? — спросила Анна.

Он не ответил. Просто шагнул вперёд. Анна попятилась. Она почувствовала, как под ногами что-то хрустнуло. Она посмотрела вниз. Это был шприц. Пустой. Тот самый, который полиция не нашла. Или подбросила.

Мужчина сделал ещё шаг. Анна поняла, что нужно бе-

жать. Она рванула в сторону, но он схватил её за руку. Она вывернулась, ударила его ногой. Он отшатнулся. Она побежала к выходу. Он бросился за ней. Она выбежала из цеха, добежала до машины, запрыгнула внутрь и завела двигатель. Мужчина ударил по стеклу, но она уже нажала на газ.

Она гнала по пустынной дороге, пока не выехала на трассу. Потом остановилась. Руки тряслись. Сердце колотилось. Она посмотрела в зеркало заднего вида. Никого не было.

Она достала телефон и позвонила Марине.

— Марина, — сказала она, задыхаясь. — Я в порядке. Но мне нужно тебе кое-что сказать.

— Что случилось?

— Кто-то был в цехе. Он гнался за мной.

— Господи, Анна!

— Я в порядке. Но я нашла телефон. Старый, кнопочный. Возможно, он принадлежал девушке.

— Что ты собираешься делать?

— Я поеду к тебе. Нужно его зарядить и посмотреть, что там.

— Хорошо. Приезжай.

Анна положила трубку. Она ещё минуту сидела, приходила в себя. Потом поехала в город. Она приехала в бюро. Марина ждала её в лаборатории. Анна достала телефон, подключила к зарядке. Через несколько минут экран загорелся. На нём было несколько сообщений. Анна открыла их.

«Ты должна молчать. Иначе будет хуже».

«Я не могу. Это неправильно».

«Ты не понимаешь, с кем связываешься».

«Я всё расскажу».

Последнее сообщение было отправлено за день до смерти. От кого — неизвестно. Номер был скрыт.

Анна посмотрела на Марину.

— Она знала, что её убьют, — сказала Анна. — И она всё равно собиралась рассказать.

— Кому?

— Не знаю. Но я узнаю.

Она сохранила сообщения. Потом отдала телефон Марине.

— Спрячь его. Никому не показывай.

— Хорошо.

Анна вышла из лаборатории. Она шла по коридору и думала о том, что теперь у неё есть доказательство. Девушка знала, что её преследуют. И она пыталась бороться. Но её убили

Она вернулась в кабинет. Села за стол и достала блокнот. Написала: «Стеклянный дом Воронцова. Ковалёв. Телефон». В этот момент зазвонил телефон. Анна взяла трубку.

— Соболева.

— Анна Сергеевна? — голос был мужской, незнакомый. — Вам не кажется, что вы слишком далеко зашли?

— Кто это?

— Неважно. Важно то, что вы должны остановиться, пока

не поздно.

— Я не остановлюсь.

— Тогда вы пожалеете.

— Я уже жалею, о том, что не начала раньше.

Она положила трубку. Руки тряслись. Но она улыбнулась. Впервые за долгое время — по-настоящему.

Она знала, что теперь они знают о ней. И это было хорошо. Потому что теперь они будут действовать. А когда они действуют, они ошибаются. И она будет готова.

— Я найду их, — сказала Анна. — Обещаю.

Глава 4. Падение в шахту

Звонок раздался в половине шестого вечера.

Анна сидела в кабинете, разбирая записи в блокноте. Она уже несколько раз перечитала сообщения с телефона Соколовой, переписала их от руки, потом сфотографировала на свой телефон — на всякий случай. Телефон она оставила у Марины. Марина спрятала его в лаборатории, в ящике с реактивами, который никто не открывал годами. Это было надёжно. Или ей так казалось.

Когда зазвонил телефон, Анна вздрогнула. Она не ждала звонка. Она вообще не ждала ничего хорошего. Она взяла трубку.

— Соболева.

— Анна Сергеевна? — голос был женский, незнакомый, но взволнованный. — Это диспетчер скорой. Ваша коллега, Марина Викторовна, она... она погибла.

Анна почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она схватилась за край стола.

— Что? Как?

— Несчастный случай. На производстве в заброшенном цехе на Заводской. Она упала в шахту лифта. Врачи уже приехали, но... она мертва.

Анна не помнила, как положила трубку. Не помнила, как встала. Она помнила только, как выбежала на улицу, как села

в машину, как гнала по вечернему городу, не обращая внимания на светофоры. В голове стучало одно слово: «Марина. Марина. Марина».

Она приехала на Заводскую через двадцать минут. У цеха уже стояли машины скорой помощи и полиции. Мигалки отражались в лужах. Анна вышла из машины и пошла вперёд. Её остановил полицейский.

— Женщина, туда нельзя.

— Я судмедэксперт Соболева. Это моя коллега.

Полицейский посмотрел на её удостоверение и пропустил.

Анна вошла в цех. Там было темно, только лампы следователей освещали пространство. Она прошла мимо ящиков, мимо мусора, мимо людей в форме. И увидела шахту лифта. Глубокую яму, уходящую вниз. Внизу горел фонарь и там, на дне, лежала Марина.

Анна остановилась. Она не могла дышать. Она смотрела вниз и видела её — маленькую, неестественно вывернутую, с растрёпанными волосами, которые теперь были покрыты пылью и кровью. Марина. Её Марина. Единственный человек, который её понимал. Единственный, кто не боялся говорить с ней прямо. Единственный, кто согласился помочь.

— Марина, — прошептала Анна. — Марина.

Кто-то подошёл сзади. Она обернулась. Это был Сергей. Молодой следователь. Он выглядел бледным.

— Анна Сергеевна, — сказал он тихо. — Мне жаль.

— Что произошло? — спросила она. Голос у неё был чужим.

— Официально — несчастный случай. Она упала в шахту. Скорее всего, оступилась. Здесь темно, пол разбитый.

— Оступилась? — Анна посмотрела на него. — Марина работала в лаборатории. Она не ходила по заброшенным цехам. Что она здесь делала?

Сергей замялся.

— Мы не знаем. Может, искала что-то. Или кого-то.

— Или её привели.

— Анна Сергеевна, не надо делать поспешных выводов.

— Я не делаю выводов. Я делаю вскрытие, я узнаю правду.

Она развернулась и вышла из цеха. На улице она закурила и руки тряслись. Она смотрела на мигалки, на людей, на серое небо. И думала о том, что Марина умерла из-за неё, потому что она, Анна, попросила её помочь. Она не остановилась.

— Это моя вина, — сказала она вслух.

— Нет, — сказал Сергей, который вышел следом. — Это не ваша вина.

— А чья?

— Тех, кто это сделал.

— Вы думаете, это они?

— Я думаю, что это слишком похоже на несчастный случай. И слишком вовремя.

Анна посмотрела на него. Впервые за всё время она уви-

дела в нём не мальчика с корочкой, а следователя. Усталого, но не глупого.

— Вы мне поможете? — спросила она.

— Я не могу вести это дело официально. Мне не дадут. Но я могу помочь неофициально.

— Хорошо.

Она докурила и бросила окурок в лужу.

— Я поеду в морг. Мне нужно сделать вскрытие.

— Сейчас? Ночью?

— Сейчас. Я не могу ждать.

Она села в машину и поехала в бюро. Там было пусто. Пётр Ильич уже ушёл. Анна прошла в секционный зал, включила свет. Тело Марины привезли через час. Она лежала на столе, накрытая простынёй. Анна стояла над ней и не решалась открыть лицо. Потом всё-таки открыла.

Марина была бледной, но спокойной. Как будто спала. Анна надела перчатки. Она делала вскрытие подруги. Это было самое трудное, что она делала в жизни.

Она работала медленно, тщательно. Она не хотела пропустить ничего. И она не пропустила. Через два часа она нашла то, что искала.

На шее Марины был след. Маленький, почти незаметный. След от укола, такой же, как у Соколовой. На внутренней стороне запястья, ближе к основанию большого пальца Анна сфотографировала его. Потом взяла образцы тканей.

Она сняла перчатки и села на стул. В секционном зале бы-

ло тихо. Только гудели лампы. Анна смотрела на тело Марины и думала о том, что теперь у неё есть доказательство. Марину убили, ей ввели яд. А потом сбросили в шахту, чтобы всё выглядело как несчастный случай.

Она встала, вышла в коридор, достала телефон и позвонила Сергею.

— Сергей, — сказала она. — Это не несчастный случай. Ей ввели яд. Тот же, что и Соколовой. Я нашла след от укола.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я сделала вскрытие.

— Господи.

— Нам нужно найти того, кто это сделал.

— Кто мог это сделать?

— Кто-то, кто знал, что она помогает мне. Кто-то, кто следил за нами. Кто-то, кто хотел её остановить.

— Это Воронцова?

— Скорее всего, но у нас нет доказательств. Нам нужно найти что-то, что свяжет её с убийством.

— Что вы предлагаете?

— Я предлагаю встретиться завтра в морге. Я покажу вам всё, что у меня есть.

— Хорошо. Завтра в десять.

Анна положила трубку. Она вернулась в секционный зал. Посмотрела на Марину.

— Я найду их, — сказала она. — Обещаю.

Она вышла на улицу. Было поздно и город уже спал. Анна

села в машину и поехала домой. Дома её ждал Валерий. Он сидел на кухне с бутылкой пива. Когда она вошла, он поднял голову.

— Ты поздно, — сказал он.

— Марина умерла, — сказала Анна.

Валерий замер. Бутылка в его руке дрогнула.

— Что?

— Марина умерла. Её убили.

— Как?

— Ей ввели яд, потом сбросили в шахту. Всё выглядит как несчастный случай.

Валерий поставил бутылку на стол. Он смотрел на неё с ужасом.

— Анна, — сказал он тихо. — Это уже не просто расследование. Это война.

— Я знаю.

— Ты можешь погибнуть.

— Знаю.

— Я не хочу тебя терять.

Анна посмотрела на него. Впервые за долгое время он сказал что-то, что её тронуло.

— Я не собираюсь умирать, — сказала она. — Я собираюсь найти их.

— Тогда я помогу тебе.

Анна удивлённо подняла брови.

— Ты?

— Я всё-таки хирург. Знаю, как устроены люди, знаю, как крутится эта система. Если позволишь — помогу.

— Ты же сам говорил, что это не твоя война.

— Тогда — не моя. А теперь стала и моей. Марина была моей коллегой. И она была по-настоящему хорошим человеком.

Анна подошла к нему и мягко положила руку на плечо.

— Спасибо, — тихо сказала она, и в этом «спасибо» прозвучало куда больше, чем просто благодарность.

Он коротко кивнул, будто стесняясь собственных чувств.

— С чего начнём? Что нужно сделать?

— Для начала надо найти Ковалёва. Он пропал. А он что-то знает. И, боюсь, он может стать следующей жертвой.

— Я могу выяснить, где он. У меня сохранились связи в онкологическом центре — кое-кто ещё прислушивается к моему слову.

— Хорошо. Узнай. А я пока поработаю с тем, что у меня есть.

Она прошла в комнату и села на диван. Кот Васька прыгнул к ней на колени. Она гладила его и думала о Марине. О её улыбке, и её растрёпанных волосах, о её добрых глазах. Марина была единственным человеком, который не боялся говорить ей правду. И теперь её не было.

Анна закрыла глаза. Она представила стеклянный дом. Женщину, которая отдала приказ убить. И она поняла, что не остановится, ни перед чем.

Она откроет этот стеклянный дом. И все увидят, что внутри. Даже если для этого ей придётся разбить все стёкла.

Утром она пришла в морг. Пётр Ильич уже был там. Он выглядел испуганным.

— Анна, — сказал он. — Мне звонили из мэрии сказали, что дело Соколовой нужно закрыть. И дело Марины тоже. Сказали, что это несчастные случаи.

— А вы что сказали?

— Я сказал, что подумаяю.

— Подумайте хорошенько, Пётр Ильич. Потому что если вы закроете дела, то станете соучастником.

— Я не хочу проблем.

— А вы не боитесь, что следующей будет ваша жена? Или внучка?

Пётр Ильич побледнел.

— Ты не понимаешь.

— Это вы не понимаете. Они убивают всех, кто знает правду. Марина знала. Теперь она мертва. Я знаю и могу быть следующей. Но я не боюсь. А вы боитесь. И это вас не спасёт.

Она развернулась и пошла в лабораторию. Там её ждал Сергей. Он сидел на стуле и вертел в руках блокнот.

— Я поговорил с патологоанатомом, — сказал он. — Он подтвердил, что след от укола есть. Но он не уверен, что это яд.

— Он не уверен, потому что боится. Я уверена.

— Хорошо. Что у нас есть?

— У нас есть телефон Соколовой, — Анна быстро выкладывала факты, будто раскладывала карты на столе. — В нём — сообщения с неизвестного номера. Прямые угрозы. Есть результаты анализов: подтверждён яд. Есть след от укола на теле Марины — значит, её тоже пытались вывести из игры. И есть Ковалёв, который просто исчез. Как сквозь землю провалился..

— Ковалёв — это врач?

— Да. Он лечил Соколову. Он знает, что её отравили. И он исчез.

— Я могу его найти. У меня есть доступ к базе.

— Попробуй.

Сергей ушёл. Анна осталась в лаборатории одна, но одиночество теперь ощущалось иначе. Она смотрела на ряды пробирок с образцами — стеклянные цилиндры, хранящие молчаливые улики. В голове крутилась одна мысль: у неё теперь есть команда. Пусть совсем небольшая. Пусть не утверждённая никакими приказами и распоряжениями. Неофициальная, собранная из людей, которые просто не смогли остаться в стороне. Но это была настоящая команда. И в этой мысли было что-то тёплое, почти ободряющее — лучше, чем пытаться тащить всё в одиночку.

Вечером Валерий позвонил.

— Я узнал, где Ковалёв, — сказал он. — Он находится в области в санатории под чужим именем.

— Ты уверен?

— Уверен. Мой знакомый работает в регистратуре. Он сказал, что Ковалёв приехал два дня назад. Один никого не принимает.

— Дай мне адрес.

Валерий продиктовал адрес. Анна записала.

— Спасибо, — сказала она.

— Будь осторожна.

— Постараюсь.

Она положила трубку и позвонила Сергею.

— Сергей, я знаю, где Ковалёв. Нам нужно ехать.

— Когда?

— Сейчас.

— Я заеду через полчаса.

Анна собралась. Она надела тёмную куртку, взяла сумку. В сумку положила скальпель. На всякий случай. Она вышла из дома и села в машину. Через полчаса подъехал Сергей. Они поехали в сторону области.

Санаторий находился в лесу, в тридцати километрах от города. Это было старое здание с колоннами, окружённое забором. Они припарковались у ворот и прошли внутрь. На ресепшене сидела женщина.

— Мы к Ковалёву, — сказала Анна.

— К кому?

— Ковалёв. Он у вас живёт.

— У нас нет такого.

— Есть. Он приехал два дня назад под чужим именем.
Женщина замялась.

— Я не могу вам сказать.

— Мы из полиции, — сказал Сергей, показав удостоверение.

Женщина побледнела.

— Он в шестом корпусе. Второй этаж.

Они направились в шестой корпус, поднялись на второй этаж и отыскиали нужную комнату. Сергей постучал — в ответ ни звука. Тогда он осторожно толкнул дверь: она поддавалась, оказалась незапертой.

— Яд, — сказала Анна. — Тот же самый.

Сергей выругался.

— Они его убрали.

— Да. Они убивают всех, кто знает.

Анна посмотрела на Ковалёва. Она не знала его. Но она чувствовала жалость. Он был старым, усталым. И он умер, потому что оказался в нужное время в нужном месте.

— Что теперь? — спросил Сергей.

— Теперь мы знаем, что они не остановятся. И мы должны действовать быстрее.

— У нас нет доказательств.

— У нас есть телефон. У нас есть анализы. У нас есть яд. Этого достаточно, чтобы начать.

— Против заместителя губернатора? Этого мало.

— Тогда мы найдём больше.

Она вышла из комнаты. Сергей пошёл за ней. Они спустились вниз, сели в машину.

— Куда теперь? — спросил он.

— В стеклянный дом, — сказала Анна.

— Что?

— Я хочу посмотреть на него вблизи.

— Это опасно.

— Я знаю. Но я хочу увидеть, где она живёт. Может, это что-то даст.

Сергей завёл машину. Они поехали в город. Через час они стояли на холме, с которого был виден особняк Воронцовой. Это был современный дом из стекла и бетона. В окнах горел свет. Внутри было видно людей. Они ходили, разговаривали, пили вино. Жизнь шла своим чередом. Как будто ничего не случилось. Как будто никто не умирал.

Анна смотрела на этот дом и чувствовала, как внутри неё поднимается злость. Она сжала кулаки.

— Мы войдём туда, — сказала она. — И мы найдём то, что нам нужно.

— Как?

— Я придумаю.

Она отвернулась. Села в машину.

— Поехали, — сказала она. — На сегодня хватит.

Они вернулись в город. Сергей высадил её у дома. Анна вошла в квартиру. Валерий спал. Кот лежал на диване. Она села рядом с ним и закрыла глаза.

Анна перебирала в памяти лица: Марина, Ковалёв, Соколова — все, кто уже не ответит. В голове сплетались обрывки фактов, взглядов, последних слов, и каждый из этих образов тянул за собой тень чего-то большего.

Мысли снова и снова возвращались к женщине в стеклянном доме — к той, что привыкла отдавать приказы и не видеть последствий. К той, что возвела вокруг себя стены из денег, власти и чужих страхов и искренне верила в свою неприкосновенность.

— Ты ошибаешься, — прошептала Анна. — Ты не неприкосновенная. Ты просто стеклянная. И я тебя разобью.

За окном бурлил промышленный город — неумолчный, равнодушный, полный будничного шума. Где-то надрывно гудел завод, где-то с грохотом катила по рельсам тяжёлая машина, а где-то в этом огромном переплетении улиц и дворов угасала чья-то жизнь. Анна не знала, в какой точке города это случилось. Но в груди твёрдо жило одно: она доберётся до истины.

Она всегда добиралась.

Глава 5. Морг как зона силы

Утро после смерти Марины началось с тишины — такой густой, что она будто давила на уши. Не той привычной тишины морга, когда в холодильниках спокойно ждут своей очереди тела, а воздух пропитан запахом формалина и неизбежности. И не той тишины в квартире, когда Валерий уходил, и дом сразу становился чужим. Это была тишина после удара — когда мир уже треснул, но ты ещё не видишь разлома, только чувствуешь, как под ногами уходит пол.

Анна лежала в постели, глядя в потолок. Трещина в углу, кажется, стала длиннее. Или это её сознание теперь цеплялось за каждую неровность, пытаясь найти опору в чём-то реальном. Она встала, прошла на кухню. Кот Васька уже сидел у миски, глядя на неё с таким укором, будто она нарушила единственный закон их маленького мира: «ты приходишь — ты кормишь». Анна насыпала корм, налила себе чай, села за стол. В голове была не пустота, а вакуум — не потому, что не было мыслей, а потому, что все они разбивались о одно-единственное, невыносимое: Марины больше нет.

В бюро она пришла в семь утра, когда город только начинал хрипло просыпаться. Пётр Ильич уже был там — стоял в коридоре, сжимая папку так, будто она могла удержать его на ногах. Вид у него был такой, словно он не спал всю ночь, а может, и не жил её вовсе. Когда он увидел Анну, глаза его

скользнули в сторону, как у загнанного зверя. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но Анна прошла мимо, не остановившись. Она не могла сейчас с ним разговаривать. Не потому, что злилась. Потому что знала: если он снова начнёт про «указание сверху» и «надо закрыть», она может сорваться. А срываться было нельзя. У неё была работа.

В секционном зале было холодно. Лампы гудели под потолком, отбрасывая на кафель резкие тени. Анна надела халат, перчатки, подошла к холодильнику. Тело Марины лежало на второй полке, накрытое простынёй. Анна откинула ткань. Лицо Марины было спокойным, почти умиротворённым. Как будто она просто закрыла глаза и уснула. Анна знала, что это не так. Она знала, что Марина умерла в страхе. Что она почувствовала, как её толкают в шахту, и не успела даже закричать. Или успела. Анна не знала. И это незнание было хуже всего.

Она провела ладонью по волосам Марины. Жёстким, спутанным. Марина всегда говорила, что у неё «волосы как у ведьмы». Анна тогда смеялась. Теперь она не смеялась. Она стояла и смотрела на подругу, и в голове у неё стучало одно слово: «Почему?» Почему она? Почему не Анна? Почему всё так?

Она тряхнула головой. Не время. Слёзы — это потом. Сейчас — работа.

Она осмотрела тело ещё раз. Медленно, тщательно. След от укола на внутренней стороне запястья. Такой же, как у

Соколовой. Тот же угол и та же аккуратность. Кто-то держал её за руку и она возможно, знала. Или кто-то, кто умел внушить доверие.

Потом она осмотрела одежду. Джинсы, свитер, куртка. Всё было сложено в пакет. Анна открыла пакет, достала куртку. В кармане нащупала что-то твёрдое. Клочок бумаги. Маленький, сложенный вчетверо. Она развернула его. Почерк Марины. Быстрый, неровный. «Склад № 4. Заводская, 12. 18:00».

Анна замерла. Склад № 4. Заводская, 12. Это был адрес. И время. Марина собиралась туда пойти, в тот вечер, когда погибла. Она что-то нашла. Что-то, что хотела проверить и её убили.

Анна сунула бумажку в карман халата. Потом закрыла холодильник. Она стояла посреди секционного зала и чувствовала, как внутри неё что-то меняется. Боль не ушла. Но к ней прибавилось что-то ещё. Холодное, твёрдое и решимое.

Она вышла в коридор и позвонила Сергею. Он ответил после второго гудка.

— Анна Сергеевна? — голос у него был сонный. — Что-то случилось?

— Сергей, у меня есть адрес. Склад № 4 на Заводской. Марина собиралась туда пойти в тот вечер, когда погибла.

— Откуда ты знаешь?

— Нашла записку в её куртке. Она что-то нашла и хотела это проверить.

Молчание. Потом Сергей сказал:

— Ты думаешь, там что-то есть?

— Я думаю, там может быть всё. Нам нужно туда попасть.

— Когда?

— Сегодня. В шесть вечера. Как она планировала.

— Хорошо, я буду. Но нам нужно быть осторожными. Если это связано с Воронцовой, то там могут быть люди.

— Я знаю. Поэтому я и звоню тебе.

— Договорились. Встретимся у бюро в пять.

Анна положила трубку. Потом вернулась в кабинет. Она села за стол и стала ждать. Время тянулось медленно. Она пыталась работать, но мысли были далеко. Она думала о Марине. О том, что она чувствовала, когда шла на этот склад. О том, что она нашла. И о том, что её убили, потому что она нашла слишком много.

В пять вечера она вышла из бюро. Надела тёмную куртку, взяла сумку. В сумку положила скальпель и фонарик. Села в машину и поехала на Заводскую.

Склад № 4 находился в промышленной зоне, недалеко от заброшенного цеха. Это было старое здание из красного кирпича, с ржавыми воротами и выбитыми окнами. Анна припарковалась в переулке и стала ждать. Через десять минут подъехал Сергей. Он вышел из машины и подошёл к ней.

— Готова? — спросил он.

— Готова.

Они подошли к воротам. Они были заперты. Сергей до-

стал отмычку и стал возиться с замком. Через минуту замок щёлкнул. Они вошли внутрь.

Склад был тёмным и пыльным. Внутри стояли стеллажи с коробками. Анна включила фонарик. Она посветила вокруг. Коробки были подписаны: «Онкологический центр. Медикаменты». Она открыла одну. Внутри были упаковки с лекарствами. Она взяла одну. На ней была наклейка с датой и номером партии. Анна посмотрела на дату. Срок годности истёк два года назад.

— Это просрочка, — сказала она. — Они поставляют в центр просроченные лекарства.

Сергей подошёл ближе.

— Вот это да, — сказал он. — Это же уголовное дело.

— Да. И Соколова узнала об этом, поэтому её убили.

Они прошли дальше. В углу склада стоял стол с документами. Анна подошла и стала смотреть. Накладные, счета, списки. Всё было подписано. Она нашла одну накладную, где стояла подпись Воронцовой. Анна сфотографировала её.

Вдруг сзади раздался шум. Они обернулись. В дверях стояли двое мужчин в тёмной одежде. У одного в руке был пистолет.

— Вы кто такие? — спросил один из них.

Сергей шагнул вперёд.

— Полиция, — сказал он, показав удостоверение. — Вы задержаны.

Мужчина с пистолетом усмехнулся.

— Полиция? Здесь? В шесть вечера? Не смейся.

Он поднял пистолет. Анна почувствовала, как внутри всё сжалось. Она сжала в кармане скальпель. Но она знала, что скальпель против пистолета — это не оружие. Это просто жест отчаяния.

Сергей шагнул ещё раз.

— Опустите оружие. Иначе я буду стрелять.

Мужчина не опустил. Он посмотрел на Анну.

— А ты, значит, эксперт? Та самая, которая копает под Воронцову?

— Та самая, — сказала Анна. Голос у неё не дрожал. — И я не останавлиюсь.

Мужчина усмехнулся.

— Тогда ты умрёшь.

Он поднял пистолет. Анна закрыла глаза. И в этот момент раздался выстрел. Но не тот, которого она ждала. Мужчина с пистолетом вскрикнул и выронил оружие. Из-за стеллажей выбежали люди в форме. Полиция. Сергей вызвал подкрепление.

Через минуту всё было кончено. Мужчин скрутили. Сергей подошёл к Анне.

— Ты как? — спросил он.

— Нормально, — сказала она. И на этот раз это было правдой.

Они собрали документы. Накладные, счета, списки. Всё, что было на складе. Анна сфотографировала каждую бумаж-

ку. Она знала, что теперь у них есть доказательства. Настоящие. Не только анализы и следы. А документы с подписями. И этого было достаточно, чтобы начать дело против Воронцовой.

Они вышли из склада. На улице было темно. Анна села в машину. Она посмотрела на Сергея.

— Спасибо, — сказала она. — Ты спас мне жизнь.

— Не за что, — сказал он. — Это моя работа.

— Нет. Это не твоя работа. Ты мог не приходить. Мог не рисковать. Но ты пришёл.

Он пожал плечами.

— Я не мог иначе.

Анна улыбнулась. Впервые за долгое время — по-настоящему.

Она поехала домой.

Глава 6. Муж

Ночь после склада была короткой и тревожной.

Анна вернулась домой около полуночи. Валерий ждал её на кухне, пил чай и смотрел в окно. Когда она вошла, он обернулся. Лицо у него было усталым, но в глазах было что-то новое. Не страх. Что-то похожее на решимость.

— Ну что? — спросил он.

— Мы нашли склад, — сказала Анна, снимая куртку. — Просроченные лекарства. Накладные с подписью Воронцовой. Всё задокументировано.

— Это доказательство?

— Это начало. Настоящее начало.

Она села за стол. Валерий налил ей чай. Она взяла чашку и стала пить. Руки всё ещё немного тряслись. Она не показывала этого, но внутри у неё всё сжималось. Она чуть не погибла. И это было не в первый раз. И, скорее всего, не в последний.

— Анна, — сказал Валерий. — Нам нужно поговорить.

— О чём?

— О нас.

Она посмотрела на него. Он был серьёзен. Более серьёзен, чем обычно.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что мы живём как соседи. Уже несколь-

ко лет. Мы не разговариваем. Не проводим время вместе. Не... — он замялся. — Не любим друг друга.

Анна поставила чашку на стол. Она знала, что этот разговор рано или поздно случится. Она ждала его. Но всё равно была не готова.

— Это правда, — сказала она. — Мы давно не любим друг друга.

— И ты не хочешь это изменить?

— А ты?

Валерий отвёл глаза. Он смотрел на свои руки. Потом снова на неё.

— Я не знаю, — сказал он. — Я думал, что мы справимся, что это пройдёт. Но не проходит.

— Не проходит, — кивнула Анна, глядя куда-то в сторону. — Мы привыкли, к тишине, которая стала слишком громкой. К холоду, который уже не замечаешь. И тому, что теперь у каждого своя дорога, и они больше не пересекаются.

— И тебя это устраивает?

Она задумалась. Честно задумалась. Устраивало ли её это? Нет. Но она не знала, как это изменить. И не была уверена, что хочет.

— Я не знаю, — проговорила она, опустив взгляд. — Просто всё навалилось разом. Работа, усталость. Слишком много всего, чтобы пытаться это разложить по полочкам.

Валерий кивнул. Он понимал. Это было самое страшное — он понимал.

— Я тоже устал, — тихо произнёс он, будто выдавливая из себя каждое слово. — Устал притворяться. Делать вид, что всё в порядке. Что мы — настоящая семья. А мы не семья, Анна. Мы просто два человека, которые делят одну квартиру... и кота.

Анна посмотрела на Ваську, который спал на подоконнике. Он был единственным, кто не участвовал в этом разговоре. И, наверное, единственным, кто был счастлив.

— Что ты предлагаешь? — спросила она.

— Я предлагаю пожить отдельно. Некоторое время и подумать.

— Подумать о чём?

— О том, хотим ли мы быть вместе по-настоящему. Или нам лучше разойтись.

Анна не произнесла ни слова. Взгляд скользил по его лицу, а в памяти всплывало то время, когда они были по-настоящему счастливы — когда ночи напролёт болтали, смеялись, мечтали. Тогда он смотрел на неё так, будто весь мир начинался и заканчивался на ней, и она отвечала ему таким же взглядом. А теперь между ними лежала тишина, тяжёлая и безнадёжная, и только усталость напоминала, что они всё ещё здесь.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Поживи отдельно. Подумай.

— А ты?

— Я останусь здесь, — твердо сказала Анна. — С котом.

Это моё место.

Он посмотрел на неё — в его взгляде была грусть, но не обида. Только тихое понимание. Он давно знал, что она выберет работу. Она всегда её выбирала.

— Тогда я соберу вещи утром, — произнёс он спокойно, будто подводя черту.

— Хорошо, — ответила она без интонации, словно голос вдруг стал чужим.

Он поднялся и ушёл в комнату. Дверь тихо щёлкнула. Анна осталась на кухне. Она смотрела в чашку, где остывший чай потемнел по краям. Допивать не хотелось — будто в этом было что-то окончательно-горькое. Она встала, поставила чашку в раковину и пошла спать.

Утром Валерий собрал чемодан. Он стоял в прихожей, в пальто, с сумкой в руке. Анна вышла к нему.

— Куда ты? — спросила она.

— К брату. Он живёт в соседнем районе. Поживу у него.

— Хорошо.

Они стояли и смотрели друг на друга. Между ними было столько всего: годы, разговоры, ссоры, примирения, тишина. И теперь это всё уходило.

— Анна, — сказал он. — Будь осторожна пожалуйста.

— Буду.

— Я серьёзно. Они уже пытались тебя убить.

— Я знаю.

— Если что-то случится, позвони мне. Я приеду.

— Хорошо.

Он открыл дверь. Потом обернулся.

— Я всё ещё люблю тебя, — сказал он. — Просто... это не помогает.

— Я знаю, — сказала Анна. — Я тоже.

Он вышел. Дверь закрылась. Анна осталась стоять в прихожей. Она смотрела на закрытую дверь и чувствовала пустоту. Не боль, даже не злость, а просто пустоту. Как будто из неё что-то вынули, что-то важное. Но она не знала, что именно.

Кот Васька подошёл и потёрся о её ноги. Она наклонилась и взяла его на руки.

— Ну что, — сказала она. — Теперь нас двое.

Васька мяукнул. Он был согласен.

Анна пришла на работу в девять. Она выглядела уставшей, но собранной. Пётр Ильич встретил её в коридоре. Он выглядел ещё хуже, чем вчера.

— Анна, — сказал он. — Мне опять звонили. Из мэрии. Сказали, что если ты не прекратишь, то тебя уволят. И меня тоже.

— Пусть увольняют.

— Ты не понимаешь. Это не просто увольнение. Это... — он замялся. — Это может быть опасно.

— Я знаю. Мне уже угрожали.

Пётр Ильич побледнел.

— Кто?

— Неважно. Важно то, что я не остановлюсь.

Она прошла мимо него в свой кабинет. Села за стол. Достала блокнот. Она записала всё, что узнала: склад, просроченные лекарства, подпись Воронцовой. Она знала, что этого достаточно, чтобы начать официальное расследование. Но она также знала, что официальное расследование может затянуться на месяцы. А Воронцова тем временем будет действовать.

Она позвонила Сергею.

— Сергей, — сказала она. — Нам нужно поговорить.

— Что случилось?

— Валерий ушёл.

— Мне жаль.

— Не надо. Это было ожидаемо. Лучше скажи, что с делом.

— Я передал документы со склада в прокуратуру. Но там их пока не приняли. Сказали, что нужно больше доказательств.

— Больше? У нас есть накладные с подписью Воронцовой!

— Этого недостаточно. Нужно доказать, что она знала о просрочке. И что отдала приказ убить Соколову.

— А телефон? Сообщения?

— Номер скрыт. Мы не можем его отследить.

Анна замерла, погрузившись в мысли. Она отчётливо понимала: улик уже немало, но не хватает главного — той са-

мой ниточки, что напрямую потянет к Воронцовой, превратив подозрения в железное обвинение. И самое важное — она знала, где эту ниточку искать.

— Сергей, — сказала она. — Я хочу попасть в стеклянный дом.

— Ты с ума сошла.

— Допустим, — сказала Анна, упрямо поджав губы. — Но я обязана проверить. Внутри может скрываться всё, что нам нужно: и лаборатория, и документы, и любая зацепка, которая поставит точку в этом деле.

— Это незаконно.

— Я знаю. Но у нас нет выбора. Если мы будем действовать по правилам, она нас уничтожит.

Сергей молчал. Анна слышала, как он дышит.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но мы пойдём вместе. И только для того, чтобы посмотреть. Ничего не трогать и не брать.

— Договорились.

— Когда?

— Сегодня ночью, когда стемнеет.

— Хорошо. Я заеду за тобой в одиннадцать.

— Хорошо.

Она положила трубку, а потом посмотрела на фотографию Марины. Та улыбалась.

— Я иду туда, — сказала Анна. — В стеклянный дом. Я увижу, что там внутри, я найду то, что нам нужно.

Она провела остаток дня в море. Она работала, но мысли были далеко. Она думала о Валерии. О том, что он ушёл. О том, что она осталась одна. Но странно — она не чувствовала себя одинокой. Она чувствовала себя свободной. Она была свободна: больше ни лжи, ни притворства, ни тягостной тишины. Теперь у неё была только работа и это было достаточно.

Вечером она поехала домой. Переоделась в тёмное и взяла фонарик, скальпель, телефон. Она посмотрела на себя в зеркало. Тёмные волосы, бледное лицо, сжатые губы. «Эксперт Соболева», — сказала она себе. — «Женщина, которая не боится».

В одиннадцать приехал Сергей. Он был в тёмной куртке, с рюкзаком. Они сели в его машину и поехали в сторону стеклянного дома.

Дорога заняла двадцать минут. Они остановились на холме, откуда был виден особняк. В окнах горел свет. Внутри ходили люди.

— Там кто-то есть, — сказал Сергей.

— Это охрана или прислуга. Неважно.

— Как мы войдём?

— Через заднюю дверь. Я видела, там есть вход для персонала.

Они вышли из машины и стали спускаться с холма. Трава была мокрой от росы. Было тихо, только где-то далеко лаяла собака.

Они подошли к задней двери, но она была заперта. Сергей достал отмычку. Через минуту замок щёлкнул.

— Ты умеешь всё, — прошептала Анна.

— Я много чему научился, — ответил он.

Они вошли внутрь. Это была кухня, большая стерильная, с блестящими поверхностями. Анна посветила фонариком. Никого не было.

Они прошли через кухню в коридор. Коридор был стеклянным — стены, пол, потолок. Анна чувствовала себя как в аквариуме. Она видела всё, но и её могли видеть.

— Сюда, — прошептал Сергей, указывая на лестницу.

Они спустились в подвал, там было темно. Анна включила фонарик. Она увидела дверь металлическую с кодовым замком.

— Это лаборатория, — сказала она.

Сергей подошёл к замку. Он посмотрел на него, потом достал из рюкзака небольшую коробочку.

— Что это? — спросила Анна.

— Сканер. Я одолжил у знакомого.

Он приложил коробочку к замку. Через минуту замок пискнул и открылся.

— Впечатляет, — сказала Анна.

Они вошли внутрь. Лаборатория была небольшой, но хорошо оборудованной. На столах стояли пробирки, колбы, микроскопы. На стене висели графики и схемы. Анна подошла к столу. Там лежал журнал, она открыла его. Внутри

были записи. Даты, формулы, дозировки. Она перелистнула несколько страниц. И остановилась.

На одной из страниц было написано: «Соколова Е. А. Доза 1 — 0,5 мл. Доза 2 — 0,7 мл. Доза 3 — 1,0 мл. Смерть наступила через 48 часов».

Анна почувствовала, как у неё холодеет внутри. Это была она. Воронцова. Она сама записывала, как убивала крестницу.

— Сергей, — позвала она. — Смотри.

Он подошёл. Прочитал. Лицо у него стало каменным.

— Это доказательство, — сказал он. — Прямое.

— Да. Нужно сфотографировать.

Она достала телефон. Но в этот момент свет включился. Они обернулись. В дверях стояла Воронцова.

— Ну что, — сказала она спокойно. — Добрались.

Она была в домашнем халате, с чашкой кофе в руке. Как будто они были гостями, а она — гостеприимной хозяйкой.

— Вы арестованы, — сказал Сергей, шагнув вперёд.

Воронцова усмехнулась.

— Арестована? Кем? Мальчиком с корочкой?

Она щёлкнула пальцами. Из-за её спины вышли двое охранников с пистолетами.

— Уберите это, — сказала она, кивнув на телефон Анны.

— Иначе я прикажу стрелять.

Анна сжала телефон, не отрывая взгляда от Воронцовой. И вдруг накрыло странное, почти ледяное спокойствие. Буд-

то всё, что было до этого, — долгие поиски, обрывки улик, бессонные ночи — было лишь подготовкой. А теперь началось главное.

— Вы думаете, что вы неприкосновенны? — спросила Анна.

— Я знаю, что я неприкосновенна, — ответила Воронцова. — Я заместитель губернатора. У меня связи, деньги, власть.

— А у меня скальпель, — сказала Анна.

Она вытащила скальпель из кармана. Охранники напряглись. Воронцова засмеялась.

— Вы серьёзно? Скальпель против пистолета?

— Я двадцать лет режу правду, — сказала Анна. — Вы думаете, я боюсь запачкаться?

Она шагнула вперёд. Охранник поднял пистолет. Сергей рванулся к нему. Раздался выстрел. Анна закричала.

Но пуля прошла мимо. Сергей сбил охранника с ног. Второй охранник бросился к нему. Анна воспользовалась моментом и рванула к Воронцовой. Та отшатнулась. Чашка кофе упала на пол и разбилась.

— Вы сумасшедшая! — закричала Воронцова.

— Может быть, — сказала Анна. — Но я не убийца.

Она схватила Воронцову за руку и вывернула её. Воронцова вскрикнула. Анна прижала скальпель к её шее.

— Скажи своим людям, чтобы они опустили оружие, — сказала она. — Иначе я порежу тебя. Я знаю, куда давить.

Я эксперт.

Воронцова побледнела. Она поверила и кивнула охранникам. Те опустили пистолеты. Сергей быстро скрутил их.

Анна отпустила Воронцову. Та села на пол, держась за руку. Она смотрела на Анну с ненавистью и страхом.

— Ты ничего не докажешь, — сказала она. — У меня лучшие адвокаты.

— У меня есть доказательства, — твёрдо сказала Анна. Воронцова замолчала. Она поняла, что проиграла.

Сергей вызвал подкрепление. Через двадцать минут дом был полон полиции. Воронцову увезли. Анна стояла на крыльце и смотрела, как её сажают в машину. Было холодно. Она обхватила себя руками.

— Всё закончилось, — сказал Сергей, подойдя к ней.

— Нет, — сказала Анна. — Это только начало.

Она посмотрела на стеклянный дом. Окна были разбиты, а внутри горел свет. Но теперь это был не просто дом. Это было место преступления.

— Поехали, — сказала она. — Мне нужно домой к коту.

Они сели в машину и поехали в город. Анна смотрела в окно. Город был серым, как всегда. Но теперь он казался ей не таким уж унылым. В нём было что-то ещё. Что-то, что стоило защищать.

Она вернулась домой. Васька встретил её на пороге. Она взяла его на руки и прижала к себе.

— Мы справились, — сказала она. — Мы справились.

Кот мяукнул. Он был согласен.

Анна села в кресло.. Она закрыла глаза и улыбнулась.

Глава 7. Следователь Сергей

Утро после ареста Воронцовой началось с тишины.

Не той тишины, что бывает в морге, когда все тела уже вскрыты, а новые ещё не поступили. И не той, что стояла в квартире после ухода Валерия. Это была другая тишина — тишина после бури. Когда всё уже случилось, но ты ещё не понял, что именно. Анна лежала в постели и смотрела в потолок. Трещина в углу стала длиннее. Или ей показалось.

Она встала, прошла на кухню. Кот Васька уже сидел у миски и смотрел на неё с укором. Она насыпала ему корм, налила себе чай. Села за стол. В голове было пусто, не потому, что она не думала. А потому, что думать было не о чем. Дело было сделано. Воронцова арестована. Доказательства собраны. Журнал с записями, накладные, следы яда, телефон Соколовой. Всё это лежало в прокуратуре. И теперь оставалось только ждать.

Но Анна знала: ждать она не умеет.

Она позвонила Сергею. Он ответил после третьего гудка.

— Ты уже встала? — спросил он.

— Я не спала.

— Я тоже.

— Что с Воронцовой?

— Её допрашивают. Она всё отрицает. Говорит, что журнал подбросили, а накладные подделали.

— А её адвокат?

— Уже здесь. Из Москвы. Говорят, лучший в стране.

Анна поморщилась.

— Нам нужно больше доказательств. Что-то, что она не сможет отрицать.

— Я знаю, — сказал Сергей. — Но у нас пока нет. Журнал — это косвенная улика. Она может сказать, что он не её. Накладные — тоже. Подпись можно подделать.

— А следы яда? А телефон?

— Телефон не её. Сообщения от неизвестного номера. Следы яда — да, но она может сказать, что не знала о них. Что Соколова была наркоманкой, а она просто навещала крестницу.

Анна сжала трубку.

— Это абсурд.

— Это адвокат. Он найдёт любую лазейку.

— Тогда мы должны найти то, что не имеет лазеек.

— Например?

Анна замерла, погружившись в мысли. Перед глазами всплыл журнал — строчки, цифры, холодные, как приговор. Дозировки, даты... И имена. Не только Соколова. Там были и другие — ряды фамилий, будто список обречённых.

— Сергей, — проговорила она медленно, будто каждое слово нужно было вытолкнуть из себя. — Я не успела дочитать журнал. Там ещё записи. Другие имена. Другие дозы. Похоже, Воронцова делала это не в первый раз.

Сергей помолчал.

— Ты думаешь, были другие жертвы?

— Я думаю, что Воронцова не остановилась бы на одной. Она заместитель губернатора. У неё были враги. И она умела их убирать.

— Но как нам это доказать? Журнал у прокуратуры. Нас туда не пустят.

— Нам и не нужно. Я помню некоторые записи. Могу восстановить.

— Ты уверена?

— Я эксперт. Я запоминаю то, что вижу. Это профессиональное.

Сергей вздохнул.

— Хорошо. Приезжай в прокуратуру. Я попробую организовать встречу с журналом.

— Я выезжаю.

Она положила трубку, оделась и вышла из дома. По дороге она думала о том, что теперь у неё есть союзник. Настоящий. Не просто коллега, который сочувствует. А человек, который готов рисковать. Сергей был молодым и амбициозным. Но он не был глупым или боялся, но делал. Это было важнее.

В прокуратуре былолюдно. Анна прошла через охрану, поднялась на третий этаж. Сергей ждал её у кабинета.

— Я договорился, — сказал он. — Нам дадут десять минут с журналом. Под присмотром.

— Хорошо.

Они вошли в кабинет. На столе лежал журнал. Толстый, в кожаном переплёте. Анна надела перчатки, хотя это было не обязательно. Она открыла его и стала листать. Страницы были исписаны мелким почерком. Даты, имена, дозировки. Она остановилась на одной из страниц.

— Вот, — сказала она. — Смотри.

Сергей подошёл. На странице было написано: «Петров А. В. Доза 0,3 мл. Смерть через 72 часа. Симптомы: тошнота, слабость, остановка сердца. Диагноз: инфаркт».

— Петров? — спросил Сергей. — Кто это?

— Я не знаю. Но я могу узнать.

Она перевернула страницу. Там было ещё одно имя. «Смирнова Е. И. Доза 0,4 мл. Смерть через 48 часов. Диагноз: инсульт».

— Это не совпадение, — сказала Анна. — Она убивала людей и маскировала это под естественные причины. Инфаркт. Инсульт. Никто не проверял. Никто не задавал вопросов.

— Господи, — прошептал Сергей. — Сколько их?

— Я не знаю. Но мы можем проверить.

Она достала телефон и сфотографировала страницы. Потом закрыла журнал.

— Нам нужно найти этих людей. Или их семьи. Если мы докажем, что они умерли от того же яда, что и Соколова, то у Воронцовой не будет шансов.

— Это будет долго, — сказал Сергей. — Нужно эксгуми-

ровать тела. Проводить экспертизы.

— Я знаю. Но это того стоит.

Они вышли из кабинета. В коридоре их встретил адвокат Воронцовой. Высокий, в дорогом костюме, с неприятной улыбкой.

— Госпожа Соболева? — сказал он. — Меня зовут Гринберг. Я представляю интересы Валентины Петровны.

— Я знаю, кто вы.

— Тогда вы знаете, что моя клиентка невиновна. И что все эти обвинения — это недоразумение.

— Это не недоразумение. Это убийство.

Гринберг усмехнулся.

— Убийство — это громкое слово. У вас нет прямых доказательств.

— У нас есть журнал.

— Журнал, который мог написать кто угодно. Вы эксперт. Вы знаете, как легко подделать почерк.

Анна шагнула к нему.

— А вы знаете, как легко найти правду? Я двадцать лет работаю с мёртвыми. Они не врут. И я не позволю вам заморочить голову суду.

Гринберг посмотрел на неё с интересом.

— Вы уверены в себе.

— Я уверена в фактах.

— Что ж. Посмотрим, что скажет суд.

Он ушёл. Анна смотрела ему вслед. Сергей стоял рядом.

— Он опасен, — сказал Сергей.

— Я знаю. Но у нас есть то, чего у него нет.

— Что?

— Правда. И мёртвые, которые за нас.

Сергей усмехнулся.

— Ты странная женщина, Анна Сергеевна.

— Я знаю.

Они вышли из прокуратуры. На улице было холодно. Анна закурила.

— Что теперь? — спросил Сергей.

— Теперь мы ищем Петрова и Смирнову. Или их родственников. Я проверю по базе морга. Может, у нас есть их записи.

— Хорошо. Я помогу.

— Спасибо.

Они поехали в бюро. Анна провела Сергея в архив. Это было тёмное помещение с рядами стеллажей. На них лежали папки с делами. Тысячи дел. Анна знала, где искать. Она работала здесь двадцать лет.

Она нашла дело Петрова. Мужчина, сорок пять лет. Умер три года назад. Диагноз: инфаркт. Его вскрывал Пётр Ильич. Анна открыла папку. Там были записи. Протокол вскрытия. Фотографии. Она просмотрела их. Сердце было чистым. Без инфаркта. Пётр Ильич написал: «Острая сердечная недостаточность». Но не указал причину.

— Смотри, — сказала Анна. — Сердце чистое. Никаких

следов инфаркта. Он написал «недостаточность», но это ничего не значит. Это как написать «умер» и не указать почему.

Сергей посмотрел.

— А Смирнова?

Анна нашла её дело. Женщина, пятьдесят два года. Умерла два года назад. Диагноз: инсульт. Вскрывал тоже Пётр Ильич. Мозг был чистым. Без кровоизлияния. Он написал: «Острое нарушение мозгового кровообращения». Но не указал причину.

— Он знал, — сказала Анна. — Он знал, что что-то не так, но не написал.

— Почему?

— Потому что боялся. Или потому что ему заплатили. Или потому что ему приказали.

Она закрыла папки.

— Нам нужно эксгумировать тела. Провести анализ на яд.

— Это долго. Нужно разрешение суда.

— Я знаю. Но у нас есть основания. Мы можем подать ходатайство.

Сергей кивнул.

— Я займусь этим. Но это может занять недели.

— У нас есть недели. Воронцова под арестом. Она не сможет нам помешать.

— А её адвокат?

— Адвокат не может помешать эксгумации, если есть постановление суда.

— Хорошо. Я подам ходатайство.

Они вышли из архива. В коридоре было тихо. Анна посмотрела на часы. Было три часа дня. Она не ела с утра. Но не чувствовала голода.

— Сергей, — сказала она. — Спасибо.

— За что?

— Ты не сломался там, где другие сломались бы, — сказала она с тихой благодарностью. — Тебе бы думать о себе, о своей карьере — ты ещё только начинаешь. Можно было не лезть в это дело, оставить его тем, у кого нервы покрепче.

Он посмотрел на неё без пафоса, просто и прямо.

— Я не смог остаться в стороне. Когда вижу, как ты идёшь до конца, как не боишься называть вещи своими именами... Ты ведь как скальпель — снимаешь всё лишнее и добираться до самой боли, до самой правды. Я не хотел стать тем, кто скажет:

«Хватит, остановись». Анна улыбнулась. Впервые за долгое время — по-настоящему.

— Ты отличный следователь, — проговорила она, чуть наклонив голову, будто хотела, чтобы он по-настоящему услышал эти слова. — Не позволяй этому делу тебя сломать. Оставайся таким, какой ты есть.

— Постараюсь.

Она вернулась в морг. Села за стол, достала блокнот и записала: «Петров А. В. Инфаркт. Смирнова Е. И. Инсульт. Эксгумация». Потом добавила: «Воронцова. Суд». И под-

черкнула.

В этот момент зазвонил телефон. Анна взяла трубку.

— Соболева.

— Анна Сергеевна? — голос был женский, незнакомый.

— Это мать Екатерины Соколовой.

Анна замерла.

— Здравствуйте.

— Я должна вас поблагодарить, — проговорила женщина, и голос её чуть дрогнул. — За всё, что вы сделали. За то, что не отступили, не испугались.

— Я не могла поступить иначе, — тихо ответила Анна.

— Знаю, — кивнула собеседница. — Мне всё рассказали.

Вы рисковали не только собой — и жизнью подруги тоже.

Анна сглотнула, чувствуя, как к горлу подступает тяжёлый, горячий ком, и опустила глаза, будто пытаясь спрятать эту внезапную слабость.

— Марина была моей подругой, — проговорила женщина, и голос её надломился. — Она погибла из-за меня.

— Она погибла из-за них, — твёрдо возразила Анна. — Не из-за вас. Нельзя позволять себе эту вину.

— Я понимаю... — тихо отозвалась собеседница. — Но всё равно не могу её отпустить. Всё равно виню себя.

На мгновение в трубке повисла тишина — тяжёлая, наполненная невысказанным.

— Хочу вам кое-что сказать, — наконец выдохнула женщина. — О Воронцовой. Она не просто крёстная Кати. Она

её убийца. Знала с самого начала, но молчала. Боялась — за себя, за близких, боялась, что и меня уберут, как ненужного свидетеля. А вы не побоялись говорить. Спасибо вам за это.

Анна медленно прикрыла глаза, словно хотела удержать внутри всю тяжесть этих слов.

— Я сделала то, что должна была, — сказала она ровно, без пафоса.

— Вы сделали больше, чем должны были, — возразила женщина. — Вы вернули мне веру в то, что правду можно вытащить на свет, какой бы тёмной она ни была.

— Я постараюсь не подвести эту веру, — тихо пообещала Анна.

— Знаю. До свидания.

В трубке щёлкнуло — и наступила тишина. Анна ещё несколько секунд сидела, не шевелясь. В глазах стояли слёзы, но она не плакала: просто давала себе эту минуту, чтобы боль улеглась. Потом провела ладонью по лицу, стирая влагу, и поднялась.

Подойдя к окну, она посмотрела на знакомый двор — серый, будничный, без намёка на красоту: покосившийся мусорный бак, облезлый кусок забора, вытоптанная полоска земли. Ничего поэтичного, ничего возвышенного. И всё же ей вдруг показалось, что даже этот унылый пейзаж сейчас смотрит на неё иначе — не с равнодушием, а с каким-то молчаливым уважением, будто признаёт её право стоять здесь и продолжать.

Вернувшись к столу, Анна села, открыла блокнот и, не раздумывая, вывела твёрдым почерком: «Я не остановлюсь». А потом взяла ручку и трижды подчеркнула фразу — так, чтобы ни у кого, даже у самой себя, не осталось сомнений.

Глава 8. Семья погибшей

Ходатайство об эксгумации подали через три дня.

Сергей подготовил документы, приложил выписки из журнала Воронцовой, копии протоколов вскрытия Петрова и Смирновой, заключение Марины о яде. Судья — женщина лет пятидесяти, с усталыми глазами и цепким взглядом — прочитала всё за сорок минут. Потом подняла голову и посмотрела на Анну.

— Вы уверены, что это необходимо? — спросила она. — Эксгумация — это серьёзно. Это тревожит семьи и большие затраты.

— Я уверена, — сказала Анна. — Без этого мы не докажем, что Воронцова убивала людей. И что она маскировала убийства под естественные причины.

Судья помолчала. Потом кивнула.

— Хорошо. Я подпишу. Но учтите: это будет не быстро. Нужно согласие семей и это займёт время.

— У нас есть время, — сказала Анна. — Воронцова под арестом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.